

The Hunting of the Snark

An Agony in Eight Fits

Охота на Снарка

АГОНИЯ В ВОСЬМИ ВОПЛЯХ

THE HUNTING OF THE SNARK

An Agony in Eight Fits

Fit the First THE LANDING

“Just the place for a Snark!” the Bellman cried,
As he landed his crew with care;
Supporting each man on the top of the tide
By a finger entwined in his hair.

“Just the place for a Snark! I have said it twice:
That alone should encourage the crew.
Just the place for a Snark! I have said it thrice:
What I tell you three times is true.”

The crew was complete: it included a Boots —
A maker of Bonnets and Hoods —
A Barrister, brought to arrange their disputes —
And a Broker, to value their goods.

A Billiard-marker, whose skill was immense,
Might perhaps have won more than his share —
But a Banker, engaged at enormous expense,
Had the whole of their cash in his care.

There was also a Beaver, that paced on the deck,
Or would sit making lace in the bow:
And had often (the Bellman said) saved them from wreck,
Though none of the sailors knew how.

ОХОТА НА СНАРКА

Агония в восьми воплях

Вопль первый

ВЫСАДКА НА БЕРЕГ

«Вот где водится Снарк! — возгласил Балабон. —
Его логово тут, среди гор!»
И матросов на берег вытаскивал он,
За ушкó, а кого — за вихор.

«Вот где водится Снарк! Не боюсь, повторю:
Вам отваги придаст эта весть.
Вот где водится Снарк! В третий раз говорю.
То, что трижды сказал, то и есть».

Был отряд на подбор! Первым шел Билетер,
Вслед за ним — с полотенцами Банщик,
Барахольщик с багром, чтоб следить за добром,
И козы отставной Барабанщик.

Биллиардный маэстро — отменный игрок —
Мог любого обчистить до нитки;
Но Банкир всю наличность убрал под замок,
Чтобы как-то уменьшить убытки.

Был меж ними Бобер, на уловки хитер,
По канве вышивал он прекрасно
И, по слухам, не раз их от гибели спас,
Но вот как — совершенно неясно.

© Перевод. Г.М. Кружков, 2020

There was one who was famed for the number of things
He forgot when he entered the ship:
His umbrella, his watch, all his jewels and rings,
And the clothes he had bought for the trip.

He had forty-two boxes, all carefully packed,
With his name painted clearly on each:
But, since he omitted to mention the fact,
They were all left behind on the beach.

The loss of his clothes hardly mattered, because
He had seven coats on when he came,
With three pair of boots — but the worst of it was,
He had wholly forgotten his name.

He would answer to “Hi!” or to any loud cry,
Such as “Fry me!” or “Fritter my wig!”
To “What-you-may-call-um!” or “What-was-his-name!”
But especially “Thing-um-a-jig!”

While, for those who preferred a more forcible word,
He had different names from these:
His intimate friends called him “Candle-ends,”
And his enemies “Toasted-cheese.”

“His form is ungainly — his intellect small —”
(So the Bellman would often remark)
“But his courage is perfect! And that, after all,
Is the thing that one needs with a Snark.”

He would joke with hyænas, returning their stare
With an impudent wag of the head:
And he once went a walk, paw-in-paw, with a bear,
“Just to keep up its spirits,” he said.

Был там некто, забывший на суше свой зонт,
Сухари и отборный изюм,
Плащ, который был загодя отдан в ремонт,
И практически новый костюм.

Тридцать восемь тюков он на пристань привез,
И на каждом — свой номер и вес;
Но потом как-то выпустил этот вопрос
И уплыл в путешествие без.

Можно было б смириться с потерей плаща,
Уповая на семь сюртуков
И три пары штиблет; но, пропажу ища,
Он забыл даже, кто он таков.

Его звали: «Эй-там!» или «Как-тебя-бишь!»
Отзываться он сразу привык
И на «Вот-тебе-на», и на «Вот-тебе-шиш»,
И на всякий внушительный крик.

Ну а тем, кто любил выражаться точней,
Он под кличкой иной был знаком,
В кругу самом близком он звался «Огрызком»,
В широких кругах — «Дохляком».

«И умом не Сократ, и лицом не Парис, —
Отзывался о нем Балабон. —
Но зато не боится он Снарков и крыс,
Крепок волей и духом силен!»

Он с гиенами шутки себе позволяя,
Взглядом пробуя их укорить,
И однажды под лапу с медведем гуляя,
Чтобы как-то его подбодрить.

He came as a Baker: but owned, when too late —
And it drove the poor Bellman half-mad —
He could only bake Bridecake — for which, I may state,
No materials were to be had.

The last of the crew needs especial remark,
Though he looked an incredible dunce:
He had just one idea — but, that one being “Snark,”
The good Bellman engaged him at once.

He came as a Butcher: but gravely declared,
When the ship had been sailing a week,
He could only kill Beavers. The Bellman looked scared,
And was almost too frightened to speak:

But at length he explained, in a tremulous tone,
There was only one Beaver on board;
And that was a tame one he had of his own,
Whose death would be deeply deplored.

The Beaver, who happened to hear the remark,
Protested, with tears in its eyes,
That not even the rapture of hunting the Snark
Could atone for that dismal surprise!

It strongly advised that the Butcher should be
Conveyed in a separate ship:
But the Bellman declared that would never agree
With the plans he had made for the trip:

Navigation was always a difficult art,
Though with only one ship and one bell:
And he feared he must really decline, for his part,
Undertaking another as well.

Он как Булочник, в сущности, взят был на борт,
Но позднее признаньем потряс,
Что умеет он печь только Базельский торт,
Но запаса к нему не запас.

Их последний матрос, хоть и выглядел пнем, —
Это был интересный пенек:
Он свихнулся на Снарке, и только на нем,
Чем вниманье к себе и привлек.

Это был Браконьер, но особых манер:
Убивать он умел лишь бобров,
Что и всплыло поздней, через несколько дней,
Вдалеке от родных берегов.

И вскричал Балабон, поражен, раздражен:
«Но Бобер здесь один, а не пять!
И притом это — мой, совершенно ручной,
Мне б его не хотелось терять».

И, услышав известье, смутился Бобер,
Как-то съежился сразу и скис,
И обеими лапками слезы утер,
И сказал: «Неприятный сюрприз!»

Кто-то выдвинул робко отчаянный план:
Рассадить их по двум кораблям.
Но решительно не пожелал капитан
Экипаж свой делить пополам.

«И одним кораблем управлять нелегко,
Целый день в колокольчик звеня,
А с двумя (он сказал) не уплыть далеко,
Нет уж, братцы, увольте меня!»

The Beaver's best course was, no doubt, to procure
A second-hand dagger-proof coat —
So the Baker advised it — and next, to insure
Its life in some Office of note:

This the Banker suggested, and offered for hire
(On moderate terms), or for sale,
Two excellent Policies, one Against Fire,
And one Against Damage From Hail.

Yet still, ever after that sorrowful day,
Whenever the Butcher was by,
The Beaver kept looking the opposite way,
And appeared unaccountably shy.

Fit the Second **THE BELLMAN'S SPEECH**

The Bellman himself they all praised to the skies —
Such a carriage, such ease and such grace!
Such solemnity, too! One could see he was wise,
The moment one looked in his face!

He had bought a large map representing the sea,
Without the least vestige of land:
And the crew were much pleased when they found it to be
A map they could all understand.

“What's the good of Mercator's North Poles
and Equators,
Tropics, Zones, and Meridian Lines?”
So the Bellman would cry: and the crew would reply
“They are merely conventional signs!

Билетер предложил, чтобы панцирь грудной
Раздобыл непременно Бобер
И немедленно застраховался в одной
Из надежных Банкирских контор.

А Банкир, положение дел оценив,
Предложил то, что именно надо:
Договор страхования квартир от огня
И на случай ущерба от града.

И с того злополучного часа Бобер,
Если он с Браконьером встречался,
Беспричинно грустнел, отворачивал взор
И как девушка скромно держался.

Вопль второй **РЕЧЬ КАПИТАНА**

Балабона судьба им послала сама:
По осанке, по грации — лев!
Вы бы в нем заподозрили бездну ума,
В первый раз на него поглядев.

Он с собою взял в плаванье Карту морей,
На которой земли — ни следа;
И команда, с восторгом склонившись над ней,
Дружным хором воскликнула: «Да!»

Для чего, в самом деле, полюса, параллели,
Зоны, тропики и зодиак?
И команда в ответ: «В жизни этого нет,
Это — чисто условные знаки.

“Other maps are such shapes, with their islands
and capes!
But we’ve got our brave Captain to thank”
(So the crew would protest) “that he’s bought us
the best —
A perfect and absolute blank!”

This was charming, no doubt: but they shortly found out
That the Captain they trusted so well
Had only one notion for crossing the ocean,
And that was to tingle his bell.

He was thoughtful and grave — but the orders he gave
Were enough to bewilder a crew.
When he cried “Steer to starboard, but keep her head
larboard!”
What on earth was the helmsman to do?

Then the bowsprit got mixed with the rudder sometimes:
A thing, as the Bellman remarked,
That frequently happens in tropical climes,
When a vessel is, so to speak, “snarked.”

But the principal failing occurred in the sailing,
And the Bellman, perplexed and distressed,
Said he had hoped, at least, when the wind blew
due East,
That the ship would not travel due West!

But the danger was past — they had landed at last,
With their boxes, portmanteaus, and bags:
Yet at first sight the crew were not pleased with the view,
Which consisted of chasms and crags.

На обыденных картах — слова, острова,
Все сплелось, перепуталось — жуть!
А на нашей, как в море, одна синева,
Вот так карта — приятно взглянуть!»

Да, приятно... Но вскоре после выхода в море
Стало ясно, что их капитан
Из моряцких наук знал единственный трюк —
Балабонить на весь океан.

И когда иногда, вдохновеньем бурля,
Он кричал: «Заворачивай носом!
Носом влево, а корпусом — право руля!» —
Что прикажете делать матросам?

Доводилось им плыть и кормою вперед,
Что, по мнению бывалых людей,
Характерно в условиях жарких широт
Для снаркирующих кораблей.

И притом Балабон — говорим не в упрек —
Полагал, и уверен был даже,
Что раз надо, к примеру, ему на восток,
То и ветру, конечно, туда же.

Наконец с корабля закричали: «Земля!» —
И открылся им брег неизвестный.
Но, взглянув на пейзаж, приуныл экипаж:
Всюду скалы, провалы и бездны.

The Bellman perceived that their spirits were low,
And repeated in musical tone
Some jokes he had kept for a season of woe —
But the crew would do nothing but groan.

He served out some grog with a liberal hand,
And bade them sit down on the beach:
And they could not but own that their Captain
looked grand,
As he stood and delivered his speech.

“Friends, Romans, and countrymen, lend me your ears!”
(They were all of them fond of quotations:
So they drank to his health, and they gave him
three cheers,
While he served out additional rations).

“We have sailed many months, we have sailed
many weeks,
(Four weeks to the month you may mark),
But never as yet ('tis your Captain who speaks)
Have we caught the least glimpse of a Snark!

“We have sailed many weeks, we have sailed many days,
(Seven days to the week I allow),
But a Snark, on the which we might lovingly gaze,
We have never beheld till now!

“Come, listen, my men, while I tell you again
The five unmistakable marks
By which you may know, wheresoever you go,
The warranted genuine Snarks.

И, заметя брожение умов, Балабон
Произнес утешительным тоном
Каламбурчик, хранимый до черных времен, —
Экипаж отвечал только стоном.

Он им рому налил своей щедрой рукой,
Рассадил, и призвал их к вниманью,
И торжественно (дергая левой щекой)
Обратился с докладом к собранью:

«Цель близка, о сограждане! Очень близка!»
(Все поежились, как от морозу.
Впрочем, он заслужил два-три жидких хлопка,
Разливая повторную дозу.)

«Много месяцев плыли мы, много недель,
Нам бывало и мокро, и жарко,
Но нигде не видали — ни разу досель! —
Ни малейшего проблеска Снарка.

Плыли много недель, много дней и ночей,
Нам встречались и рифы, и мели;
Но желанного Снарка, отрады очей,
Созерцать не пришлось нам доселе.

Так внимайте, друзья! Вам поведаю я
Пять бесспорных и точных примет,
По которым поймете — если только найдете, —
Кто попался вам — Снарк или нет.